Ани Еганян

~~Что-то болит~~

НИЧЕГО СТРАШНОГО

Ани Еганян

Ничего страшного

«Автор»
2026

Еганян А.

Ничего страшного / А. Еганян — «Автор», 2026

«Ничего страшного», — говорим мы, когда нас не слышат. Когда близкий человек оставляет справляться одних. Когда очень больно, но неудобно об этом сказать. В этой книге — 72 откровенных монолога о том, что мы привыкли прятать даже от себя. О заботе, которая становится контролем. О доброте со скрытым счётом. О чужом равнодушии, которое однажды узнаёшь в собственных поступках. Некоторые главы захочется отправить тому, кто вас ранил. На других придётся задержаться: в них можно узнать себя.Книга для тех, кто слишком часто говорит «я справлюсь» и всё реже слышит вопрос: «А как ты на самом деле?»

© Еганян А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Когда стало больно 6
Глава 1 6
Глава 2 7
Глава 3 8
Глава 4 9
Глава 5 10
Глава 6 11
Глава 7 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Ничего страшного

НИЧЕГО

СТРАШНОГО
Ани Еганян
Короткая проза

Когда стало больно

Глава 1

Ничего страшного

Меня больше всего пугает, как быстро люди привыкают жить после того, что сделали с другими.

Ты ещё сидишь на кухне, перечитываешь переписку, пытаешься найти место, где всё пошло не так. А человек уже выбирает, что заказать на ужин. Просит положить побольше соуса. Смеётся над какой-то хернёй в телефоне. У него обычный вторник. У тебя теперь жизнь делится на «до» и «после».

И ведь он знает. Вот что хуже всего. Нельзя объяснить человеку, что тебе больно, если он и так это знает. Ты просто надеешься подобрать такие слова, после которых ему станет не всё равно. Пишешь длиннее. Потом короче. Потом удаляешь всё и отправляешь: «Нам надо поговорить». Как будто дело в том, что ты до сих пор недостаточно понятно выразилась.

Я унижалась так. Только тогда называла это попыткой сохранить отношения. Для собственного унижения вообще легко найти приличное название. Терпение. Верность. Умение прощать. Я называла себя понимающей, когда боялась задать вопрос, на который уже знала ответ.

Потом мне стало стыдно. Не за того человека — за себя. За эти сообщения. За то, как прислушивалась к каждому звуку телефона. За радость, когда он наконец отвечал. Мне было достаточно двух слов, чтобы простить ему неделю молчания. Он даже не успевал попросить прощения.

Сейчас я рассказываю об этом спокойно. Местами даже смешно. Люди смеются, я тоже. Хорошая история получается, если выкинуть из неё то, как ты на самом деле себя чувствовала.

Я думала, после этого стану внимательнее к чужой боли.

Недавно подруга написала мне: «Можно я позвоню? Мне очень плохо».

Я увидела сообщение сразу. Сидела на диване, листала телефон. Рабочий день закончился, посуда была вымыта, никуда идти не требовалось. Но я знала: разговор надолго. Надо будет слушать, что-то говорить, снова слушать. А мне хотелось спокойно провести вечер.

Я ответила утром: «Прости, только увидела. Как ты?»

Она написала: «Уже нормально».

Я обрадовалась этому «нормально». Даже не спросила, как она провела ночь.

Весь день потом собиралась признаться, что прочитала сообщение сразу. Открывала наш разговор и закрывала. Мне казалось жестоким сказать ей правду.

Так и оставила из заботы о ней.

Глава 2

Видела

У меня был период, когда я знала время чужих заходов в сеть лучше, чем расписание собственных дел. Восемь сорок две. Девять семнадцать. После полуночи ещё один раз. Мне было тридцать с лишним лет, у меня были работа, квитанции, больная спина. И отдельная должность: следить за человеком, который забыл мне ответить.

Я понимала, как это выглядит. Поэтому никому не рассказывала. Перед подругами изображала женщину, которой всё ясно. Произносила слово «приоритеты» таким голосом, будто сама жила в соответствии с ними. А под столом обновляла страницу.

Боль от молчания трудно объяснить, потому что тебе как будто нечего предъявить. Человек не оскорбил. Не накричал. Даже отказа не было. Просто твой вопрос состарился у него в телефоне. Сначала он был срочным, потом неловким, потом стал доказательством твоей навязчивости. Хотя дополнительных сообщений я ещё не отправляла. Я уже успела почувствовать себя навязчивой за первое.

Особенно тяжело было видеть, как он отвечает другим. Обычным людям, в общих беседах, без всякой любви. Им доставались целые предложения. Я училась не просить даже этого. Когда он наконец писал, я специально ждала. Ставила таймер. Мой ответ должен был выглядеть так, будто у меня тоже есть жизнь.

Она была. Просто всё в ней на время стало фоном для одного человека.

Теперь я иногда оставляю телефон в другой комнате. Первые минуты всё равно прислушиваюсь. От привычки ждать нельзя избавиться тем же движением, которым убираешь звук. Мне ещё хочется получить то сообщение, которое задним числом исправит все остальные вечера.

Однажды я призналась в этом подруге. Она не стала объяснять, что нужно уважать себя. Сказала, что тоже проверяла. И назвала время, которое помнит до сих пор. Мы сидели рядом, две взрослые разумные женщины, и вдруг перестали делать друг перед другом вид.

Я рассказала ей даже про таймер. Она рассмеялась, потом обняла меня. Телефон завибрировал у меня в кармане. На этот раз я договорила прежде, чем посмотреть.

Глава 3

Запасной ключ

После расставания я потребовала вернуть ключ. Произнесла это очень твёрдо. Мне казалось, что именно так выглядит человек, который наконец взял свою жизнь в руки. Он положил ключ на тумбу, спросил, заберёт ли завтра оставшиеся вещи. Я сказала: забери всё.

Всё оказалось удивительно небольшим. Два пакета, зарядка, куртка. Долгие отношения плохо переносят пересчёт в предметы. Хочется, чтобы за ними прислали хотя бы грузовик. Чтобы соседям стало понятно, сколько у тебя забирают.

Ключ я убрала в ящик. Замок не меняла. Сначала не было денег, потом времени. Потом я заметила, что оставляю второй замок открытым, хотя раньше всегда запирала оба. Он иногда возвращался поздно и не любил, когда приходилось звонить.

Никто больше не собирался возвращаться. Это я готовила ему вход. Совершенно незаметно для собственной гордости, которая уже всем сообщила о новой жизни.

Самое унизительное в расставании часто случается без второго человека. Он давно занят своим, а ты ещё покупаешь йогурт, который сама не ешь. Поправляешь одеяло на чужой половине. Отказываешься от приглашения на выходные: вдруг понадобятся именно эти выходные. Даже нельзя разозлиться на него за всё это. Он не просил оставлять ему место.

Мне хотелось считать ожидание доказательством большой любви. Возможно, любовь там тоже была. Но ещё я не могла вынести, что решение действительно принято без меня. Если бы он вернулся, я собиралась заставить его просить. В этой воображаемой сцене у меня наконец появлялась власть.

Через несколько месяцев пришёл слесарь. Пока он работал, я стояла в прихожей с чашкой, как будто принимала важного гостя. Он спросил, сколько комплектов сделать. Я почти ответила: два. Потом сказала: один. И сразу добавила, что второй всё-таки нужен маме.

Новый ключ оказался другого цвета. Это почему-то расстроило сильнее, чем следовало. Вечером я закрыла оба замка, легла и долго слушала подъезд. Никто не дёрнул ручку. Ничего торжественного не произошло. Утром пришлось вставать на работу. Я встала.

Глава 4

Нормальные люди

Мне хотелось, чтобы человек, причинивший мне боль, выглядел соответственно. Чтобы у него было неприятное лицо, скверные манеры и хотя бы один заметный всем недостаток. Тогда я могла бы указать на него и сказать: вот. Теперь понятно.

Но он был нормальным. Придерживал двери. Помнил дни рождения. Умел поговорить с пожилой соседкой так, что она потом хвалила его мне. Однажды он ехал через весь город помогать знакомому с машиной. Я в тот вечер ждала его дома и ничего не знала.

После разрыва люди осторожно сообщали, что он вообще-то хороший. Как будто моё несчастье содержало ошибку в исходных данных. Я начинала доказывать. Доставала подробности, которые обещала себе никому не рассказывать. С каждым новым доказательством я выглядела хуже: возбуждённее, злее, мельче. Он в этих разговорах вообще не участвовал. Ему хватало хорошей репутации.

Меня бесило, что чужая порядочность на кассе как будто отменяла то, что происходило дома. Я тоже знала, как приятно он умеет разговаривать. Я влюбилась именно в этого человека, которого они теперь защищали от моей версии.

Со временем я перестала искать в нём сплошное зло. От этого не стало проще. Гораздо страшнее признать, что внимательный человек способен выбрать, к кому быть внимательным. Что он понимал, как причиняет боль, и всё равно продолжал. У него хватало сил помочь соседу. На разговор со мной сил не находилось.

Впрочем, я тоже умею распределять свою доброту. Чужому человеку улыбаюсь, домашнему отвечаю через плечо. На работе сохраняю выдержку, а дома объясняю резкость усталостью. Близкие получают меня без упаковки. Я долго считала это особой формой доверия.

Недавно я грубо ответила маме. Потом вежливо поговорила с курьером, который перепутал адрес. Мама стояла рядом и слышала оба разговора. Ничего не сказала. Только я уже не смогла убедить себя, что просто не умею сегодня быть доброй.

Глава 5

Место за столом

Когда тебе говорят, что о тебе забыли, обижаться как будто неприлично. Ведь специально никто не хотел. Просто собрались, написали друг другу, заказали столик. А твой номер существует в том же телефоне, которым они всё это делали.

Я увидела фотографии утром. Сначала обрадовалась знакомым лицам. Потом стала считать. Это отвратительное занятие: считать людей на чужом празднике, пытаясь определить, имеешь ли ты право почувствовать себя лишней. Если собрались трое, можно объяснить случайностью. Если девять, начинаешь искать объяснение в себе.

Мне написали: «Мы думали, ты занята». Я действительно часто бывала занята. Иногда отказывалась из-за денег, но придумывала дела, потому что не хотела заставлять других выбирать место дешевле. Людям проще представить мою загруженность, чем мой баланс на карте. Я сама много поработала над этим впечатлением.

Можно было ответить честно: мне обидно. Я написала: «Да всё нормально, классно посидели». Даже поставила сердечко. Оно избавило всех от необходимости что-либо уточнять.

После этого я стала отдаляться. Медленно, с достоинством. Отвечала короче, сама не звонила. Ждала, когда кто-нибудь заметит перемену и угадает её причину. Я устроила людям экзамен, не сообщив, что они в нём участвуют. Любое их поведение подтверждало нужный ответ: я им не важна.

Через месяц одна из подруг спросила напрямую, что случилось. Я сказала: ничего. Мне хотелось, чтобы она догадалась сама. Почему-то именно самостоятельная догадка казалась единственным годным доказательством любви.

Сейчас мы общаемся реже. Там были и их невнимательность, и моя ложь. От первого факта мне до сих пор больно. Второй мешает рассказывать эту историю так красиво, как хотелось бы.

Я однажды всё-таки призналась, что тогда не хватало денег. Подруга замолчала, потом спросила, почему я не сказала. И я снова чуть не ответила: «Да что там говорить». Так легко закрыть дверь, а потом годами ждать, когда кто-нибудь постучит.

Глава 6

Свидетели

Я помню не только то, что мне сказали. Я помню, кто в это время посмотрел в тарелку.

За столом было несколько человек. Мы ели мясо, обсуждали отпуск. Он вдруг рассказал историю, в которой я выглядела смешной и глупой. Саму историю я знала. Только дома у неё были другие подробности. Здесь он аккуратно их убрал, оставил мой испуг и собственную находчивость. Получилось забавно.

Кто-то засмеялся. Кто-то сделал вид, что не услышал. Близкая подруга стала резать помидор на очень мелкие кусочки. Я смотрела на её нож и ждала. Не защиты на всю жизнь. Одной фразы. Можно было даже без громкости.

Никто ничего не сказал, и я засмеялась тоже. Ужасно хотелось поскорее вернуться в число тех, кто понимает шутку. Когда смеёшься над собой вместе со всеми, хотя бы не остаёшься за столом одна.

Потом подруга отвела меня в сторону и сказала, что он перегнул. Шёпотом. Я поблагодарила. Позже злилась на себя за эту благодарность. Её тихое несогласие досталось мне после того, как публичное согласие уже досталось ему.

Она боялась скандала. Я понимала. Сама боялась ещё сильнее. Но от этого не переставала помнить, что она могла позволить себе бояться, а мне пришлось сидеть в центре чужого развлечения.

Через несколько недель на работе начальник унизил нашу новую сотрудницу. Она перепутала цифры, виновата действительно была. Он объяснял ошибку долго, с удовольствием, при всех. Я открыла таблицу и смотрела в неё, пока он говорил. У меня заканчивался испытательный срок на новой должности. Я не могла рисковать.

Потом догнала девушку у лифта. Сказала, чтобы не принимала близко к сердцу. Что он бывает таким. Что я всё понимаю.

Она кивнула и уставилась на кнопки. Я ещё постояла рядом, надеясь получить хоть какой-нибудь знак благодарности. Мне очень нужно было почувствовать себя хорошим человеком, прежде чем разъедутся двери.

Глава 7

До утра

Ночью любой совет звучит иначе. Днём фраза «надо просто отпустить» ещё может сойти за мысль. В три часа ночи, когда ты сидишь на краю ванны, чтобы никого не разбудить, в ней слышно только желание поскорее закончить разговор.

Я научилась переживать тихо. Включать воду, если плачу. Писать сообщение в заметках. На следующий день выходить из квартиры в чистой одежде. Людям очень нравится такая собранность: она позволяет им не менять планы. Чем аккуратнее я справлялась, тем чаще мне говорили, что я молодец.

А мне иногда хотелось перестать быть молодцом так, чтобы это стало видно с лестничной площадки. Устроить что-нибудь непоправимо некрасивое: позвонить без предупреждения, приехать с опухшим лицом, сказать «мне сейчас нельзя одной» и не добавить после этого «если тебе удобно». Но я боялась, что люди придут из обязанности. Потом при каждой встрече буду высматривать, не устали ли они от меня.

Однажды я всё-таки позвонила знакомой. Мы не были особенно близки. Я выбрала её почти случайно: она недавно писала, что плохо спит. Это казалось достаточным основанием не чувствовать себя воровкой чужого отдыха.

Она ответила сонным голосом. Я тут же извинилась и сказала, что набрала случайно. Уже собиралась положить трубку, когда она спросила: «Ты где сидишь?» Почему-то этот простой вопрос оказался сильнее всего, что я готовила для объяснения. Я сказала: в ванной. Она попросила перейти на кухню и поставить чайник.

Мы проговорили минут двадцать. Она не нашла решения. Под конец даже зевнула и призналась, что ей рано вставать. Мне не пришлось притворяться, будто я не слышу её усталости. Она была уставшей и всё равно оставалась на линии.

Утром стыд вернулся. Я написала огромное сообщение с извинениями за ночь. Перечитала и стёрла половину. Отправила: «Спасибо, что поговорила». Она ответила фотографией своей кошки, которая спала поперёк подушки. Я наконец засмеялась без необходимости показать, что со мной уже всё хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.